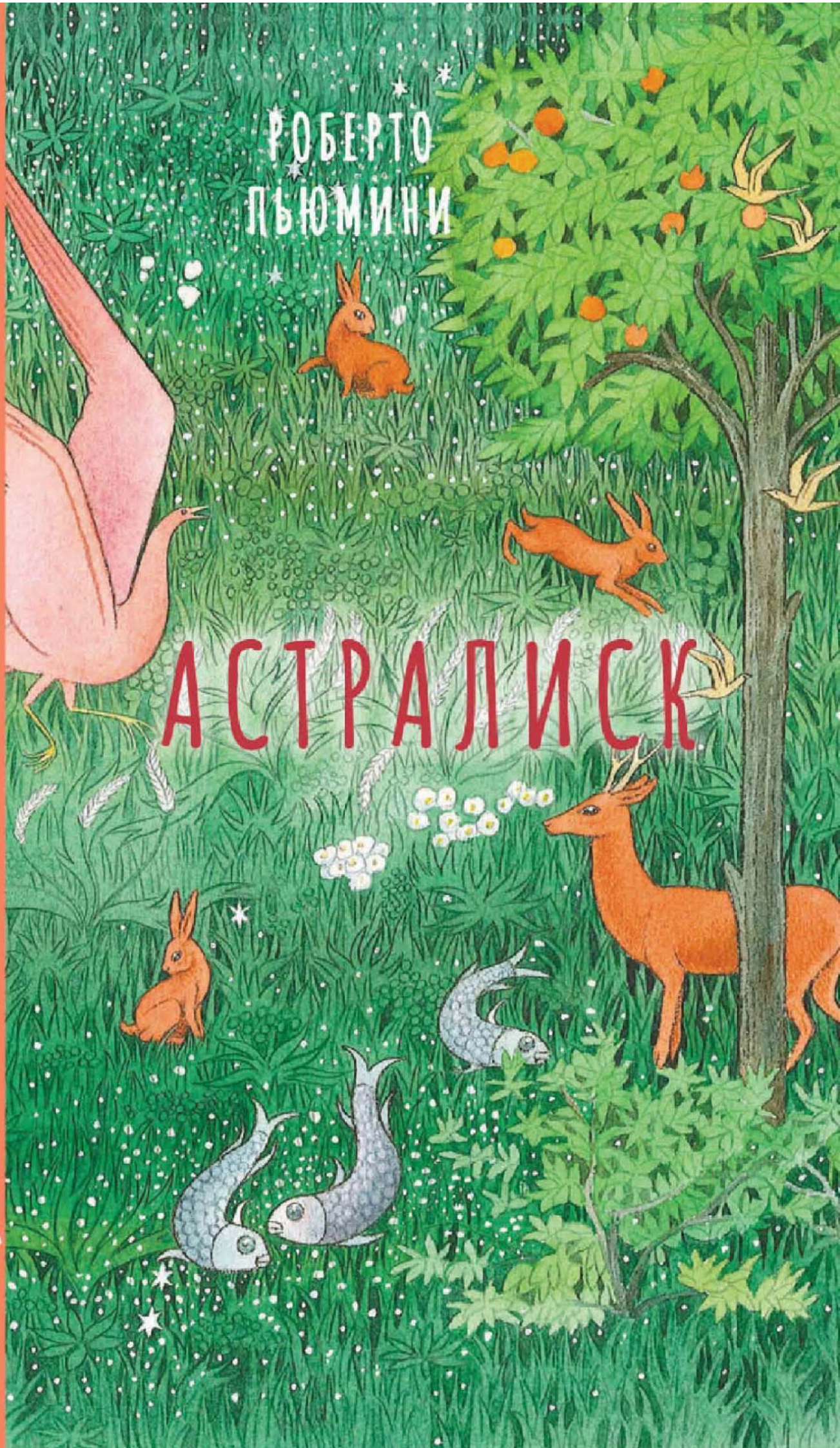

Перелётные Кнычи

РОБЕРТО
ЛЬЮМИНИ

АСТРАЛИСК

Роберто Пьюмини

Астралиск

«Тип-Топ»

ББК 84.4 Ит.

Пьюмини Р.

Астралиск / Р. Пьюмини — «Тип-Топ»,

ISBN 978-5-906097-73-6

Художнику Сакумату поручено расписать изнутри стены дворца, в которых проходит вся жизнь одиннадцатилетнего мальчика, Мадурера. Так начинается путешествие, увлекшее и целиком поглотившее их обоих. Общение мальчика и художника вырастает в удивительную дружбу, а мир, рождающийся из их совместного творчества, полный образов, красок и волнующих событий, становится не менее реальным, чем тот, что находится за затянутыми марлей окнами дворца. Для младшего и среднего школьного возраста.

ББК 84.4 Ит.

ISBN 978-5-906097-73-6

© Пьюмини Р.

© Тип-Топ

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	7
Глава третья	11
Глава четвёртая	13
Глава пятая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Роберто Пьюмини

Астралиск

Моему сыну Микеле, который учит меня любви

Охраняется законом об авторском праве. Все права защищены. Полная или частичная перепечатка издания, включая размещение в сети Интернет, возможна только с письменного разрешения правообладателя.

Эта книга переведена благодаря финансовой поддержке Министерства иностранных дел и международного сотрудничества Италии.

Questo libro è stato tradotto grazie a un contributo del Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale italiano

© Стамова Т., перевод, 2020

© Издательство Кетлеров, 2020

Глава первая

Жил в турецком городе Малатье художник по имени Сакумат. Не молодой и не старый, был он в том возрасте, когда мудрые мужи привыкают жить в мире с собственной душой и в согласии с ближними.

Каменистая долина Малатьи не блистала особенными красотами, но это не мешало Сакумату писать удивительные пейзажи. Порой он писал их по воображению, располагая цвета и образы, как заботливый создатель при сотворении мира.

Богатые владельцы стад, торговцы лошадьми или тканями нередко приглашали Сакумата к себе – расписать галерею, добавить комнатам света, заполнить проёмы между окнами радостными красками его живописи. Но даже если бы его работа была никому не нужна, Сакумат и тогда бы писал свои картины, потому что кисти были для него всё равно что пальцы и к каждому мазку незаметно примешивалась капелька его крови.

Что касается его собственных пейзажей, то никто не скажет, где он их подглядел – он и сам этого не знал. Вероятно, их нельзя было встретить нигде на свете и даже ни в одном человеческом сне, но всё же они казались настоящей землёй – осязаемой и полной ароматов. Если смотреть подольше, душа незаметно ускользала из своего дома через окна глаз и переносилась в пространства цвета, полные тишины и покоя.

Глава вторая

Однажды в дверь к Сакумату постучался богатый и знатный незнакомец – на голове у него был низкий тюрбан, как у жителей горных долин, расположенных северней этих мест.

– Ты Сакумат-художник?

– Да, и это мой дом. Кто ты, человек гор? И что привело тебя ко мне?

– Я Кумди, подданный бурбана Гануана, правителя земли Нактумал. По его приказанию я пришёл просить тебя, чтобы ты поднялся к нам в горы и пожаловал к нему во дворец. Он хочет говорить с тобой и поручить тебе одну важную работу.

Сакумат никогда не бывал в тех суровых северных горах. Он отвечал, что сильно занят и не может принять оказанной ему чести.

– Бурбан Гануан, мой повелитель, – продолжал посланец, – предвидел, что путешествие может показаться тебе обременительным. Он дарит тебе своего коня – я привёл его с собой. Ещё он велел передать тебе, что речь идёт об очень большой работе и о столь же большом вознаграждении.

Сакумат любовался красавцем скакуном, который нетерпеливо бил копытом позади коня посланника, и размышлял. Гораздо более, чем щедрый подарок Гануана и сулимые им богатства, его удивило то, что один из славных и гордых правителей гор так настойчиво упрашивал его приехать. Он не стал больше упорствовать и согласился, добавив, что конь у него есть свой – хоть и старый, но вполне ещё пригодный для такого путешествия. Потом попросил дать ему день – подготовиться и попрощаться с друзьями.

Через день Сакумат погрузил на подаренного коня всё, что нужно было для работы, и оседлал своего старого вороного, который доживал век, мирно пощипывая траву на окраине города.

Перейдя котловину в её понижающейся к северу части, маленький караван оставил город и начал подниматься по краю широкой северной долины. Когда город позади исчез из виду, начались пустынные и засушливые места: по сторонам, среди россыпей серо-розового камня, виднелись то здесь, то там чахлые деревца, словно последние стражи поверженного леса. Из-под копыт по камням разбегались во все стороны стайки коричневых ящериц. Изредка ястребы пугали быстрой тенью одиноко пасущихся диких коз.

Солнце совсем зашло, когда после целого дня пути Сакумат и его спутник выехали к широкому плато, окружённому со всех сторон хребтами тёмно-серых гор. Ландшафт менялся на глазах: земля здесь была не такая засушливая, как внизу, кое-где пестрели пастбища и даже маленькие виноградники. В глубине плато, пока ещё на изрядном от них расстоянии, виднелось селение с домами из белого камня, а за ним, питая его прохладой, благодатно зеленела кедровая роща. Между селением и рощей, ослепляя своей белизной, возвышалось внушительное здание дворца. Размерами оно могло бы поспорить с самым большим домом в городе Сакумата.

Оставив позади земельные уголья, они проехали улицами селенья, и затем Сакумат был препровождён в покои дворца. Он с наслаждением погрузился в царившую здесь глубокую тишину, разглядывал покрытые золочёным рисунком двери из кедрового дерева и бархатные, расшитые жемчугом одежды прислуги.

Потом его провели в большую прохладную комнату с широким окном, обращённым в сторону селения. Отсюда можно было окинуть одним взглядом всё подковообразное пространство плато вместе с обступившими его вершинами гор.

Бурбану тут же доложили о прибытии гостя. В комнату вошёл высокий человек, по виду одних лет с художником. Волосы у него были короткие и почти совсем седые, а пышные тёмные усы казались на лице какой-то чуждой экзотической растительностью.

– Рад видеть тебя на моей земле и в моём доме, – сказал Гануан. – Благодарю, что принял приглашение и приехал. Как доброму хозяину, мне бы следовало отложить наш разговор до утра, дав тебе отдохнуть и выспаться. Но беспокойство распирает мне грудь, и вопрос, что я должен задать тебе, рвётся наружу, подобно молодому норовистому коню: если ты своим ответом не подсыплешь ему сена, он, пожалуй, так и не уймётся всю ночь, не давая моему сердцу покоя.

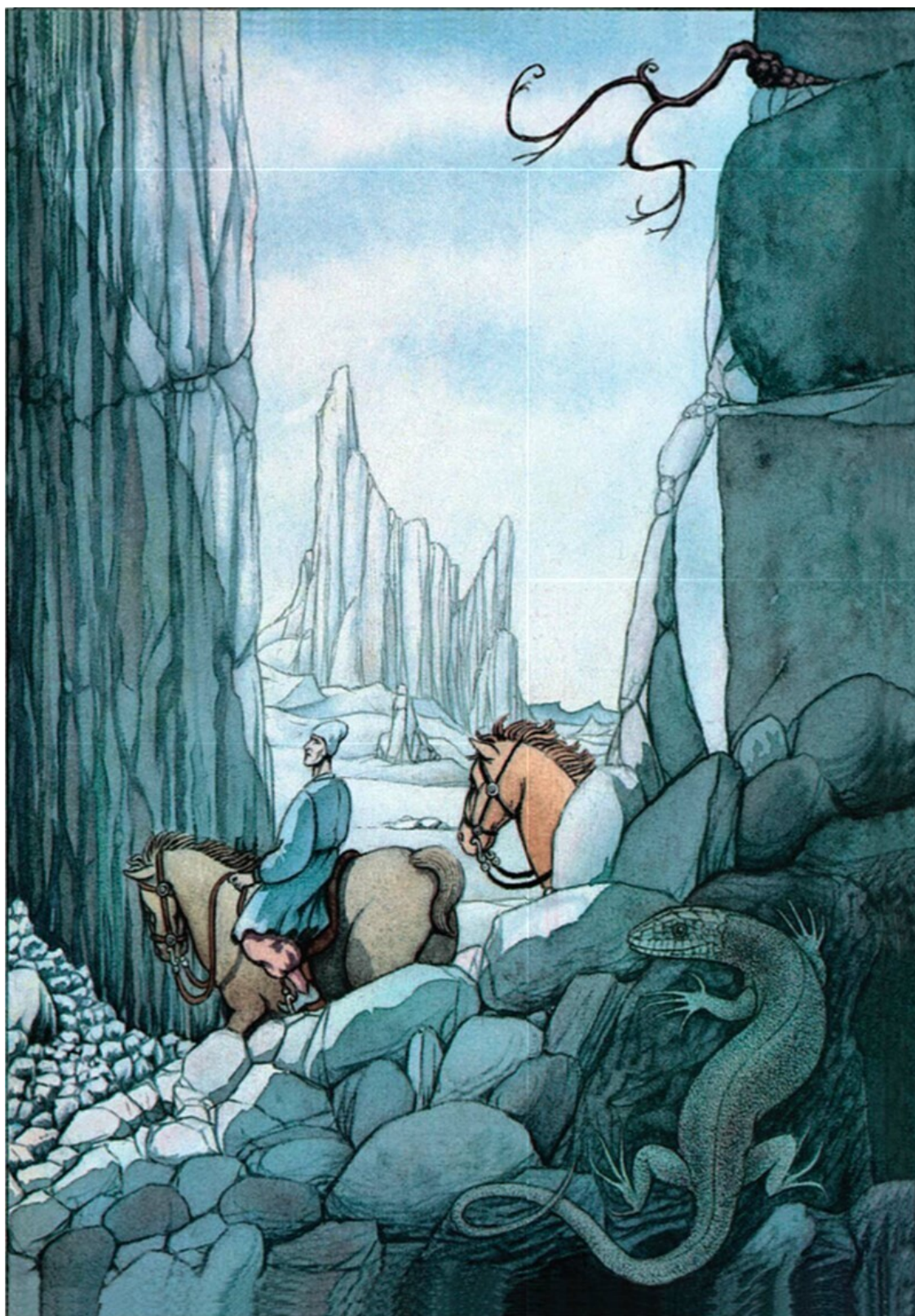
Сакумат улыбнулся и сделал лёгкий поклон.

– Твоё гостеприимство безупречно, господин, – сказал он. – Что до твоего вопроса, обещаю отнестись к нему серьёзно. Если даже не отвечу сразу, у меня будет целая ночь, чтобы подумать: так мы выгадаем время. Приступай же к твоей просьбе, господин. Кажется, она будет необычной, и меня уже начинает разбирать любопытство.

Гануан тоже улыбнулся в ответ, потом сел на ковёр, не больше и не меньше тех, что стелют в мечетях, и Сакумат сел напротив него.

– У меня есть единственный сын Мадурер, совсем ещё ребёнок, – медленно произнёс Гануан. – Он болен странной болезнью: от солнечных лучей и пылинок, залетающих с улицы, глаза у него распухают, дыхание становится тяжёлым, кожа покрывается пятнами и нарывами. Мадуреру нельзя находиться на открытом воздухе, нельзя бегать и играть в дворцовом саду с детьми моих приближённых. Мало того, он не может жить в комнате, подобной этой – чтобы через окно свободно проникали солнечный свет и горный воздух. Немало врачей, славящихся своими познаниями и опытом, побывало в моём доме. Соревнуясь в учёности, спорили они о загадочной природе этого неисцелимого недуга. Припоминали схожие случаи, имевшие место в разных краях на их памяти и прежде. Ясно было, что опасные для сына вещества содержатся в воздухе и воздействие их усиливается от солнечного света. Но что это за вещества и как можно защитить от них мальчика, никто не знает. Все, однако, сошлись на том, что Мадурер должен жить в наиболее удалённой и закрытой части дворца, лишённой прямого освещения, дышать воздухом, пропущенным, через слои влажной марли и довольствоваться слабым светом, проникающим через слуховые окошки. С начала болезни прошло уже больше пяти лет, и за это время мой сын ни разу не выходил из дома. Он не может любоваться из окна видом долины, залитой солнечным светом. В его комнатах нельзя держать никаких растений, покои нельзя украсить цветами и виноградными лозами, потому что земля и цветочная пыльца вредны для его здоровья.

Гануан говорил, глядя Сакумату в глаза, потом опустил голову и погрузился в долгое молчание. Художник тоже молчал и ждал.

Наконец бурбан поднял глаза и произнёс:

– И вот мне пришло в голову расписать стены в комнатах моего сына. Я слышал о тебе от заезжих купцов и охотников, потому и послал за тобой. Тебе не будет ни в чём отказа. Ты

останешься доволен вознаграждением и не пожалеешь, что приехал. Прошу тебя не отказать мне в этой просьбе.

Гануан снова посмотрел в глаза Сакумату. Слышно было, как тяжело он дышит. Правая рука его, мускулистая и смуглая, сжимала пояс, сделанный из металлических пластинок, – так всадник держит за узду непокорного коня.

– Могу я задать тебе один вопрос, господин? – спросил художник.

– Все моё внимание принадлежит тебе, и я отвечу тебе со всей искренностью, на какую способен, – отвечал правитель.

– Как ты представляешь себе эту роспись?

– Я ещё не думал об этом так определённо, – сказал Гануан. – Пусть тебе подскажут ответ твои чутьё и искусство.

– И ещё. Ты ведь знаешь, чем живёт твой сын? Ему, должно быть, очень трудно. Он несчастен? Мое воображение видит его вялым и поникшим, как растение, лишённое света.

Гануан прикрыл на мгновение глаза. Рука, сжимавшая пояс, упала.

– Я не стану отвечать на эти вопросы, мой друг, – сказал он. – Не потому, что не хочу. Просто слова отца не расскажут о сыне. Выслушав их, ты поневоле подумаешь, как сильна иллюзия и обманчиво чувство. Но, если ты принял предложение, мой сын сам ответит на твои вопросы. Подожди немного – и увидишь.

Глава третья

Бледность Мадурера сразу бросалась в глаза, но он совсем не казался несчастным. Жизнь взаперти замедлила его рост, и в свои почти одиннадцать лет он выглядел не старше девяти. Однако в нём не было заметно никакой ущербности: ясное и миловидное лицо, спокойные тёмные глаза, густые, необыкновенно чёрные волосы. Цвет лица очень бледный, как у отца. Он ходил в полотняных курточках, расшитых пёстрыми узорами – то была прекрасная работа старых служанок, смотревших за ним и поддерживавших идеальную чистоту в его комнатах.

Когда Гануан привёл к нему Сакумата, мальчик поцеловал руки отца и, с любопытством взглянув на незнакомца, приветствовал его лёгким поклоном.

– Мадурер, – сказал бурбан, держа руку мальчика в своих ладонях, – к твоему одиннадцатому празднику я обещал тебе подарок, сюрприз – чтобы ожидание сделало радость ещё полнее. Теперь твой праздник уже совсем скоро. Этого человека зовут Сакумат. Он прекрасный художник и живёт в Малатье – к югу от нас. Я позвал его и попросил об одолжении расписать твои комнаты. Он привёз с собой много кистей и красок, и у него руки волшебника. Несколько минут назад он согласился на мою просьбу. Теперь тебе предстоит удовольствие увидеть, как он работает, и картины его станут чудесным обрамлением твоих комнат.

Мадурер снова посмотрел на Сакумата, на этот раз чуть-чуть подольше. Потом поцеловал руку отца и сказал:

– Отец, я хочу сказать тебе две вещи. Но когда будешь слушать первую, не забудь, что за ней последует вторая. Первая вот: в эти дни я пытался представить себе обещанный тобой подарок и, не знаю почему, может быть, таково было моё желание, подумал, что ты приведёшь ко мне музыканта, играющего на кубикале, – одного из тех, чья музыка доносится до нас издали, с улиц селения. Наверно, я вспомнил твой взгляд: когда ты говорил о сюрпризе, глаза твои несколько раз останавливались на стенах, но видели что-то другое. Я представил себе, что ты думаешь о селении и о музыканте, чья мелодия проникла в ту минуту в стены дворца, а ты думал о живописи. Отец, я был настолько уверен, что отгадал твоё намерение, что уже воображал, как сижу перед этим музыкантом и, к его удивлению, прошу его сыграть ещё и ещё – без конца, как маленькие дети. Сейчас я мог бы огорчиться, ведь твой подарок оказался иным. А вот и вторая вещь, отец. Я несколько не огорчён! Я просто никогда не думал о живописи на этих стенах и не мог даже представить такого подарка. В сравнении с ним тот, кто играет на кубикале, показался бы мне деревянной игрушкой. Поэтому я благодарю тебя, отец, и того, кто с тобой. То, что вы принесли мне, так прекрасно и ново, что мои ноги не могут стоять на месте.

С этими словами маленький Мадурер быстро поцеловал, уже в третий раз, руку отца и, прежде чем двое взрослых успели сказать что-нибудь в ответ, принялся радостно носиться вдоль стен, то выбегая из комнаты, то снова возвращаясь, смеясь и выписывая круги, подобно одуревшему от радости щенку.

Гануан коснулся губами своей руки в том месте, где её поцеловал ребёнок, и улыбнулся.

– Вот ответ на твои вопросы, мой друг, – сказал он. – Я же благодарю Создателя за этого сына и не хотел бы никакого другого, даже если бы у него были крылья, как у ангелов с горы Арарат. И ты видишь, как нужно было, чтобы я уговорил тебя, и как прекрасна эта радость. Теперь я оставлю тебя: пора вам познакомиться и подружиться. Отныне, Сакумат, ты можешь просить у меня всего, чего пожелаешь и что только есть в человеческих возможностях.

Когда бурбан удалился, Сакумат продолжал стоять на месте и ждать. Между тем скачки Мадурера продолжались – казалось, он хотел сообщить свою радость всем углам каждой из своих комнат. Сакумат следил за ним с радостным удивлением – так конюх наблюдает за плясками жеребёнка, резвящегося в загоне. Всякий раз, когда мальчик исчезал из виду, художник бросал взгляд на светлые стены комнаты, пытаясь представить себе цвета и силуэты будущей

рописи. Но широкие поверхности стен оставались перед его мысленным взором пустыми и белыми, словно бы их белизна оказывалась сильнее воображения, поглощая любые рождённые им образы.

Сакумат слегка встревожился, заметив, что радостные крики мальчика стихли. Он ждал, что тот появится из широкой двери в форме арки, открытой в следующую комнату анфилады, но кругом было тихо, и белый цвет стен казался цветом самого молчания.

Он вытянул шею и заглянул за порог, но никого не увидел. Вдруг за выступом стены мелькнула прядь чёрных волос. Сакумат прижался к стене и стал ждать. В нескольких метрах от него слышалось прерывистое детское дыхание. Он не двигался с места. Прядь высунулась снова, осторожно-осторожно, потом за ней показалось взволнованное лицо Мадурера.

– Я здесь! – Художник неожиданно вышел из своего укрытия и шагнул ему навстречу.

Мальчик вскрикнул и выскочил из засады, потом громко рассмеялся и побежал к порогу, отделявшему вторую комнату от третьей. Сакумат не спеша последовал за ним и вошёл в последнюю комнату, такую же белую, как и две другие.

Мадурер спрятался за полукруглым выступом правой стены прямо под одной из широких бойниц, через которые проникал пропущенный через марлю белый дневной свет.

– Я знаю, где ты... – сказал Сакумат, нарочно отходя от его укрытия и повернувшись к нему спиной. Позади себя он слышал взволнованное дыхание мальчика и его радостное копошение.

– Считай, что я нашёл тебя, Мадурер... Ты прячешься за этой вазой... – продолжал Сакумат, с напускной осторожностью приближаясь к большому эмалированному сосуду, до половины наполненному водой, и по-прежнему стоя спиной к убежищу Мадурера.

Он слышал, как мальчик, торжествуя, покинул своё укрытие и, промчавшись обратно, скрылся во второй комнате.

– Чешуя саламандры! Так, значит, ты не здесь! – воскликнул художник с притворным разочарованием.

Потом подождал немного, чтобы мальчик успел спрятаться, и продолжил поиски.

Глава четвёртая

В последующие дни Сакумат и Мадурер много времени проводили вместе, играя и разговаривая.

– Что ты напишешь, Сакумат? – спрашивал мальчик.

– Пока не знаю, Мадурер. Я много думал об этом, но воображение моё остаётся пустым и белым, как стены этой комнаты.

– Но ведь что-нибудь напишешь обязательно, правда?

– Конечно, Мадурер. Но вначале нам с тобой надо поговорить и решить, чего мы хотим.

Они продолжали играть, то переходя из комнаты в комнату, то сидя за низким столиком, который, если не считать постели Мадурера и невысокого длинного шкафа, был здесь единственным предметом мебели.

Мадурер прекрасно играл в шахматы. С первой же партии Сакумат понял, что мальчик сильнее его. На каждый ход художника, стоивший тому долгих раздумий, мальчик отвечал быстро и остроумно, словно это было для него весёлым развлечением.

Пока они сидели поглощённые игрой, по комнатам бесшумно двигались старые служанки – они меняли покрывала и занавески, следили, чтобы в углах не осталось ни пылинки. Марлевые сетки, очищающие воздух, натягивались каждый день новые.

– Что бы тебе хотелось видеть вокруг себя? – спрашивал Сакумат. – Есть у твоих глаз какое-нибудь желание?

– Их много, может быть, даже слишком... Я видел столько всего в книгах, которые дарил мне отец! У меня около сотни книг, многие с цветными рисунками, и каждый из них я разглядывал больше десяти раз. Я видел много чудесного: море, горы, большие зелёные луга и сверкающие озёра. Я знаю, какие деревья растут на нашей земле и в землях, далёких от нас. Я видел изображения людей в удивительных одеждах (эти люди живут где-то очень далеко) и видел разных животных. Все эти образы кажутся мне прекрасными и желанными и живут в моём воображении вместе. Я не могу выбрать...

Некоторое время оба молчали.

– Может быть, и не надо выбирать, мой друг, – сказал художник. – Нужно только привести их в порядок.

– Что ты имеешь в виду, Сакумат?

Художник молчал, поглаживая ладонью лицо. С того времени как он поднялся в долину Нактумала, он ни разу не брился, и жёсткая с проседью щетина покрывала его щёки.

– В этой комнате широкие стены, Мадурер, – сказал он. – Если захочешь, я могу написать твоё море. И горы, и озера... многое из того, что ты знаешь. Нужно только, чтобы ты рассказал мне о том, что видел и что тебе дорого. Мне нужно будет совершить путешествие в твой мир, а тебе стать моим проводником.

С того дня Мадурер начал рассказывать. Вначале он предложил художнику самому посмотреть картинки в его книгах. Но Сакумат сказал, что лучше представит всё с его собственных слов. И Мадурер стал рассказывать ему о горах и долинах, о холмах, покрытых фруктовыми садами, о густых лесах и возделанных пашнях, о селениях с белыми крышами и о других – с красными, о прохладных аллеях с высокими деревьями, в которых гуляет ветер. Сам того не замечая, он добавлял к пейзажам, виденным в книгах, новые – те, которых никогда не видел, а только представлял по рассказам служанок и отца. Это были дикие и прекрасные места, необъятные и волнующие.

– Мне нравится море, – сказал он однажды. – Когда я представляю его себе – такое огромное, синее, голубое, зелёное, то кажется, эта радость входит в мои мысли и заполняет их целиком.

Сакумат слушал, задавал вопросы, просил описать что-то поподробнее.

– Теперь я хорошо представляю то, что буду писать, – сказал он через некоторое время. – Вот только...

– Говори, Сакумат!

– Друг мой, мы задумали горы и море... Вещи, сами по себе необъятные. Если бы мы решили ограничиться одной стеной, у нас получилось бы мелкое море и сплюснутые горы. Нам пришлось бы напрягать глаза – мне, чтобы писать, тебе, чтоб разглядывать. Поэтому я предлагаю использовать все стены комнаты – чтобы расширить пространство и дать простор взгляду.

– Конечно! – воскликнул Мадурер. – И вообще, почему бы...

Он вдруг смутился и замолчал.

– Продолжай, – сказал Сакумат.

– Но, боюсь, это будет тебе не по силам...

– Говори же, Мадурер! Выслушать тебя совсем не трудно. А там посмотрим.

– Ну вот, я подумал... если так, то почему бы нам не расписать стены всех комнат? Как если бы кругом было небо, понимаешь? Тогда всё стало бы ближе и крупнее, и разглядеть можно было бы побольше.

Сакумат провёл рукой по бороде, обрамлявшей его лицо тёмной полоской с проблесками серебра.

– Хорошая мысль, Мадурер. А что касается времени, то мы ведь не спешим, правда?

Мальчик только улыбнулся в ответ.

– Теперь нам надо привести наши мысли в порядок.

– Объясни, Сакумат. Я не понимаю, о каком порядке ты говоришь.

– Мадурер, – сказал художник, – мы хотим написать целый мир. Значит, нужно, чтобы в нашей живописи одно переходило в другое плавно и естественно, чтобы это не было похоже наперепутанные и размётанные ветром страницы. Тогда взгляд будет неторопливым путешественником, спокойно, без напряжения переходя от одного пейзажа к другому.

Мадурер задумался и долго молчал. Потом он сказал:

– Иногда, Сакумат, мне снятся сны. Всё в них так странно переплетается, изменяется, перетекает одно в другое...

Сакумат помолчал немного и спросил:

– Ты хочешь, чтобы наши образы были как в твоих снах, Мадурер?

Ещё какое-то время мальчик был погружён в свои мысли. Потом улыбнулся и сказал:

– Нет, давай напишем мир таким, как он есть. Сны у меня и так будут.

Теперь они вглядывались в белизну стен, как будто это было пространство неба, и начинали прикидывать и размещать образы будущей живописи.

– Здесь будет луг с травами и цветами.

– Да, Сакумат! Как тот, в книге о пастухе Муткуле!

– Тогда поставим тут хижину Муткула. Совсем маленькую... рядом с ней – стадо красных коз... Они ведь красной породы, эти козы Муткула, да?

- Да. А хромая собака тут будет, Сакумат?
- Конечно.
- Здорово! Только... как мы дадим понять, что она хромая, ведь она же далеко?
- Скорее всего, это будет незаметно, Мадурер. Но, глядя на неё, мы будем знать, что это хромая собака пастуха Муткула.
- А с этой стороны у нас будут горы?

- Да, а внизу под ними деревня. Большая или маленькая, как ты думаешь?
- Не слишком большая и не слишком маленькая, Сакумат. Она не должна быть слишком большой, чтобы не занять всё пространство.
- Пространства хватит. Мы сделаем её такой, как нужно. И минарету место найдётся.
- И муэдзин будет петь наверху?
- Конечно. Какой же минарет без муэдзина наверху? Маленького муэдзина с длинным носом.
- И, хотя он совсем маленький, мы будем знать, что нос у него длинный!
- Между селом и той скалой на заднем плане мне видится лес, полный лисиц и медведей.
- Да! Но, Сакумат...
- Что, друг мой?
- Я подумал... Ты говорил, что в живописи, как и в мире, всё должно происходить постепенно.
- Да, если только мы не хотим писать образы снов...
- Нет, давай писать мир. Но тогда... смотри, Сакумат, здесь стена заканчивается и после выступа резко поворачивает в другую сторону!
- Вижу, Мадурер, – улыбнулся художник.
- Значит, здесь будет резкий обрыв! Как если бы луг и горы неожиданно поменяли направление... или как если бы море вдруг куда-то провалилось, понимаешь?
- Понимаю, Мадурер. Но думаю, тут уж мы ничего не можем поделать.
- Почему? Эти выступы будут нам сильно мешать! Я попрошу отца, чтобы их убрали. Тогда стены станут плавными, и горы медленно развернутся, как разворачиваются перед путешественником, и взгляд не упадёт внезапно в пустоту. И море не провалится. Так ведь лучше будет, Сакумат?
- Да, так было бы лучше. Но неужели ты думаешь, что он согласится убрать все выступы?
- Конечно, согласится. У нас важная причина.

Глава пятая

Все выступления были убраны – теперь пространство стен вокруг Мадурера и Сакумата стало плавным и непрерывным.

Пока слуги исполняли это указание, бурбан велел позвать к себе художника и обратился к нему с такими словами:

– Я позвал тебя в мой дом, чтобы ты сделал моему сыну необычный подарок... Теперь я начинаю понимать, что подарок этот обещает быть чудесным. Признаюсь, что когда по прошествии нескольких дней я увидел эти стены по-прежнему нетронутыми, то в отцовском своём нетерпении подумал: «Что бы ни говорили о его славе, этот чужеземец просто бездельник, пользующийся моим гостеприимством и испытывающий терпение моего мальчика». Прошу у тебя прощения за эти мысли. Всё дело в том, что я слишком тревожусь за Мадурера – так гной и кровь сочатся из незаживающей раны.

– Почему же сейчас ты говоришь, что подарок твоему сыну будет чудесным? – спокойно спросил Сакумат. – Ведь и сегодня ты не нашёл бы ни следа кисти на стенах его комнат? И раз уж ты был со мной откровенен, то и я открою тебе, что моё воображение в течение многих дней оставалось пустым и беспомощным, как будто я никогда не держал в руках кисти и не стремился повторить в безмолвном восхищении форму цветка. И вот однажды ночью, вконец измученный этой пустотой, я решил отказаться и покинуть твой дом на рассвете следующего дня. Это было ещё до начала нынешней луны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.